П. В. АННЕНКОВ

Сочинения

Павел Анненков

Путевые записки

«Public Domain»

1843

Анненков П. В.

Путевые записки / П. В. Анненков — «Public Domain», 1843

Пять очерков, обработанных Анненковым, представляют собой рассказ о достопримечательностях, природе, прошлом и настоящем главных городов Европы в первую половину 1840-х годов. Они являются качественно новым материалом по сравнению с «Письмами из-за границы», опубликованными в «Отечественных записках» за 1841–43 гг., хотя в некоторых деталях и совпадают с ними.

© Анненков П. В., 1843
© Public Domain, 1843

Содержание

Травемюнде и Любек 7
Гамбург 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17
Комментарии

Павел Васильевич Анненков
Путевые записки

19-го октября 1840 г., приведя в порядок хлопотливые дела свои, написав дюжину прощальных писем, заплатив Штиглицу{1} за позволение существовать за границей, сели мы на пароход, который в два часа примчал нас к Кронштадту. Тут сошли мы с братьями и с другими товарищами путешествия на берег, отобедали у Стюарта{2}, пропили целую неделю безбедного существования в Германии и часов в 12 ночи подплыли к пароходу «Николай I», который долженствовал верно и сохранно доставить особы наши Германскому союзу{3}. Всего досадней было, что приехали слишком ране: пароход ждал почты. Я влез в свой ящик и приложил ухо к стенке, разделявшей меня от пропасти: ничего не было слышно. Море было тихо. Часа через два пробудился я от глухого шума и какого-то судорожного сотрясения всех частей парохода, о котором можно иметь понятие, взглянув на руки человека, страдающего запоем. Я заснул опять, а когда проснулся – движения не было слышно: мы лежали в дрейфе, потому что густой туман прикрыл нас, как будто матовым стеклянным колпаком, и не позволял идти далее в этом опасном заливе, усеянном мелями. – Так простояли мы воскресение, шляясь по палубе и расспрашивая матросов, что бы такое это значило. Кто-то из пассажиров утверждал, что капитан наш Босс нарочно пригласил туман этот из Лондона, чтобы продлить время путешествия нашего. Каждый лишний день выманивал у нас по червонцу из карману, который переходил, не останавливаясь никакими мелями и туманами, прямо в карман к капитану, ибо кухня и все материальное существование пассажиров представлено было ему компанией пароходства. – Весь этот день употребили мы ознакомлению с пассажирами: тут был decan[1]; лейб-медик Креатон, который, сложа руки на груди по-наполеоновски, спал все время по-русски; веселый старик Казелет с сыном; несколько англичан; эльзасец, приехавший faire factum[2] в Петербург и весьма недовольный Россией за то, что русские деньги, как огоньки на болоте, не давались ему в руки; два итальянца, из которых один поменьше, с кудрями, приволокнулся к хорошенькой [одной] немецкой актрисе и когда стал чувствовать приближение морской болезни, то в виду неба, воды и всех нас растянулся преспокойно на коленях ее, и морская качка достигала мозги его уже уменьшенная сотрясением целого Человеческого индивидуума. Но всего забавнее был наш соотечественник, удивительный наш Иванов. Это господин, помноженный на русскую пустоту и польскую хвастливость. – Невозможно привесть всего, что говорил этот уроженец Смоленска: довольно того, что он поехал в Америку на пароходе из Гавра, откуда никогда пароходы в Новый свет не ходили; давал взаймы деньги графу Зубову{4}, барону <*неразборчиво*> и еще кому-то, отвозил депеши в Лондон по личному поручению государя, написал в Париже статью против Лудовика-Филиппа и до сих пор еще находится с ним в тяжбе, наконец, в Турецкую войну{5} получил рану в то место, где торс срастается с ногой, и предлагал показать ее всему почтенному обществу. Но довольно… теперь об известном домовом всех судов – морской болезни. Понедельник прошел для меня счастливо; во вторник глаза мои помутились, в голове начало шуметь, и, осмотревшись, я заметил, что большая часть пассажиров, исключая одного проклятого американца, спокойно насвистывающего песенки, ходило нетвердо и, видимо, страдало. К вечеру ветер еще скрепчал; мне посоветовали лечь в постель, я послушался совета и, действительно, заснул на первых порах, но в ночь я открыл глаза от невыразимо мучительного чувства. Едва я успел выскочить из отвратительного гробика своего, как весь внут-

[1] Декан (*франц.*).

[2] Делать дела (*франц.*).

ренний человек мой выхлынул наружу, но это не возбудило ни малейшего внимания сотоварищей моих. Право, провинциал, попавший на бал и нечаянно закашлявшись, конфузится больше, отыскивая плевательницу, чем здесь человек, извергающий все задушевные тайны живота своего… Я едва выполз на палубу и лег у самой печки; там уже лежал другой страдалец – Катков. Мы уперлись головами друг к другу, прижались как можно крепче спинами и так пролежали всю среду, смотря туманными глазами на страшные волны, разбивавшиеся у самых перил палубы. Что это за море, море Балтийское? Бутылочно-зеленое, сердитое, мрачное – бог с ним. Нет в нем ни роскоши, ни прозрачности Босфора, ни юношеских порывов Средиземного моря; постоянно сурово и скучно, как старик, отживший век свой, притом же мне все кажется, что это море – кастрат: нет у него ни прилива, ни отлива, и холодно бьется оно в скалистые берега Швеции, Финляндии и островов своих. Кстати об островах: часа в два ночи в среду на четверг открыл я глаза и вдали увидел огненную точку какого-то маяка. Это было Борнгольм! Маяк показался мне духом одного Русского, плывшего некогда здесь, завидевшего этот остров и создавшего сказку[{6}], в которой запутался он сам, но которую Россия читала с жадностью и упоением, так что даже первые познания в географии каждого ребенка начались с тебя, остров Борнгольм, так что и теперь, в годы мужества, не верится, чтобы ты, Борнгольм, мог принадлежать какой-то другой державе, а не России… Этот русский первый прикрепил действующих лиц своих к действительной почве. До него были только острова любви, фантастические государства, небывалые города, носившие иногда, впрочем, имена городов русских; он первый поэтическим чувством сдул все эти призраки и влил в людей и в самую почву жизнь и бытие, живут еще они и до сих пор. Прочтите бесчисленные надписи Лизина пруда[{7}], прислушайтесь к говору русских пассажиров, которые просят разбудить себя, как поравняются они с Борнгольмом. А вот уже он начал тонуть в серых волнах Балтики; все ближе и ближе подвигаемся мы к Травемюнде. Часов в 5 вечера четверга открылись нам Мекленбургские берега. Капитан велел спустить две ракеты для извещения, вероятно, травемюндских носильщиков о приходе груза русской праздности или немощи и изредка истинного желания быть полезным отечеству.

При входе в речку Траве спущена была третья ракета, высоко взвилась она и упала в море, позади парохода, уже опередившего ее, по этой третьей ракете травемюндцы высыпали на берег, пароход стал умерять ход свой, мы суетились около чемоданов и длинных счетов на коротеньких бумажках. Пароход шел все тише и тише, и, наконец, остановился совсем. – Тут кинули мостик на пристани, и мы вступили в Германию, посреди отцов семейства, с заткнутыми в боковые карманы руками, немочек, приглядывавшихся к родным физиономиям, детей, прыгавших около нас, носильщиков, согбенных под тяжестью чемоданов, наполненных штанами и жилетками, и трактирных служек, предлагавших свои услуги. – Это случилось в четверг, в 7 часов вечера, 24 октября (7 ноября) 1840 года.

Травемюнде и Любек

Чистые домики Травемюнда, вытянутые в прямую линию на берегу, кажутся строем войска, ожидающего прибытия высоких особ из-за моря. Прекрасная липовая аллея придает им веселый, ландшафтный вид. Нельзя удержаться от чувства удовольствия [почувствовав], послышав тень их на себе: так скучно плаванье по Балтике, так хлопотны у нас сборы за границу, так много мечтаний неслось к ним издавна. – Может быть, и цветут они столь роскошно именно потому, что часто видят веселые лица. Восторг разрушает только организм человека, но деревьям, вероятно, он полезен. Переночевав в Hotel de Russie, на другой день рано утром взяли мы с Катковым повозочку, вроде наших шарабанов, и отправились в Любек, до которого считают здесь 2 мили. Кучер наш, в мундире с красным воротником, стал пощелкивать длинным своим кнутом, с которым кони его, вероятно, так сдружились, что на угрозы его отвечали только ласковой улыбкой и, казалось, говорили: «полно ворчать, дядя! мы знаем, что у тебя доброе сердце». – Речка Траве, огибающая Любек, несколько времени гналась за нами, словно извозчик, переманивающий ездока у товарища, но, видя безуспешность настояний, остановилась за первой горкой и поворотила куда-то. Утро было холодное. – Кучер наш надел серую шинель, мы крепче завернулись в свои, и через полтора часа прибыли в Любек, вдоволь надивившись по дороге немкам в соломенных шляпах и с коромыслами на плечах, фермерам в бархатных штанах, огромным телегам, запряженным гусем, а главное – необыкновенному движению народа на этом пути и выражению всеобщего довольства. – Чудесной аллеей, окруженные со всех сторон деревнями, фермами, загородными домиками, съехали ми в Любек, и никогда не забыть мне впечатления, произведенного этим городом. Это врата Германии со стороны Севера, но никакие другие врата, изукрашенные конями, рыцарями и гауптвахтами, не могут сравниться с этим готическим памятником средних веков. – Мы ехали по узким улицам промежду высоких, стеснившихся домов, и клочки неба казались нам голубым полотном, которое натягивали древние на Амфитеатр свой, когда облака неуважительно грозились омочить божественные головы Цезарей. – Мы проезжали мимо остроконечных башен этих чудесных церквей, которыми так много восхищались в декорациях и которые заставляли с таким трепетом ожидать новой оперы с процессиями, знаменами цехов, шпорами, шлейфами и золотыми цепями. – Вот все очарование машиниста-декоратора, все искусство живописца, которому поручено исполнение задников к какому-нибудь великолепному путешествию, наконец, вся прелесть английской гравировки на стали и тщеславного альбома аристократки, наполненного видами городов, осчастливленнх ее присутствием, – все это обратилось для нас вдруг в живую природу, стало перед нами в полной своей действительности, облеклось в настоящее бытие и, как говорится, воочию свершилось. – Готическая рыцарская Германия не могла выбрать себе лучшего представителя, который впервые бы встретил иностранца на первом шагу и, взяв его за руку, учтиво и улыбаясь, рекомендовал земле замков, баронов и феодалов. «Честь имею представить: Германия под благословением папы, правами владетелей, заступничеством рыцарей и тайными судилищами». – «Очень рад, я так много слышал… Честь имею представиться – русский, начинающий оправляться после драк, смут, суеверий и бессознательного управления по обычаю». – «Очень рада: сделайте одолжение, обращайтесь прямо ко мне, и если я могу быть Вам в чем-нибудь полезна, то с величайшим моим удовольствием». – «Вы так добры». – И я поцеловал руку великолепной дамы.

Без шуток и преувеличения, город остался почти таким, как застал его Лютер, за исключением стен, разрушенных хвостиком божьего бича Даву[{8}] на пути бегства его из России в годину славных бед Наполеона. Теперь, где стучали рыцарские палаши по каменным плитам, сделано гуляние, всегда чистое, усыпанное песочком и где вечерком водятся

маленькие интрижки. Иногда ведь немец, прочитав драму Кальдерона{9}, наденет калоши и скажет: опасность придает энергию любви – надо создать опасность, чего долго искать: к 9-и часам вечера, всегда, когда смеркнется, на валу очень страшно. Часовые стоят шагов за сто, а из города несется звук башенных часов так протяжно… Надо сказать Амалии, чтоб приходила туда…

Но стен нет, а мрачный, суровый облик города остался цел и нетронут.

В Гамбурге общая готическая физиономия несколько разжижается сильною торгового деятельностью, новыми постройками по определенному плану, как, например, известная Эсплонада, улица-стена с оконными прорезями. В других городах заботливость государей о любимом городе беспрестанно наклеивает на старую его одежду новые заплаты самого тонкого сукна. Здесь ничего подобного нет. Все немцы единогласно уверяют, что Любек – самый скучный город, и, действительно, все здесь тихо, как прилично городу, созданному для воспоминаний. Мы, по прибытии, тотчас пошли осматривать церкви и прямо в Дом-Кирхе. В готическом стиле северной Германии все тяжело, массивно и сурово: он еще не дошел до легкости и прозрачности готизма южных областей. Тысячи столбов не взлетают к небу, и кажется, родственник друидическим камням не обратился в кружевную ткань, а сохраняет всю плотность и громадность языческих прадедов своих. Только колокольни оканчиваются недосягаемыми для взора шпицами, точно хвост ракеты, высоко взвившейся над головой самого фейерверка. – Любекская Дом-Кирхе отличается еще необыкновенною длиннотой своей, и так как легенда в Германии живет и вьется над историческими памятниками, как ласточка, свивающая гнездо в расселинах вековых стен их, то и по построению, и по длине Дом-Кирхе есть легенда. – На одной из стен ее вы видите альфреско{10} лань и охотника. Лань эту захватил на охоте Карл Великий и, надев великолепный ошейник на шею, пустил снова гулять в германских лесах; через несколько столетий заблудился охотник, встретил лань, помилованную Великим, и, убив ее, на цену ошейника выстроил Дом-Кирхе. Вообще охота играет большую роль в древних сказаниях Германии: наш Ревель{11} обязан существованием этой же страсти рыцарей и герцогов оглашать мрачные дубравы звуком серебряных рогов своих, и как бы хорошо было, если бы заячья травля наших помещиков имела последствием основание хоть какого-нибудь городишка. В крайней пристройке видите вы [бронзового] медного епископа с митрой и жезлом, распростертого во всю длину свою на каменной плите; он пожертвовал миллион марок на удлиннение церкви, желая по крайней мере оставить за ней честь самой длинной, если не самой высокой, церкви в Германии. В 1813 французы прострелили медного епископа, ожидая под густыми складками его тяжелой ризы найти клад: скважина, произведенная пулей, видна доселе… И не распугал ты их своим жезлом, владыка, и не простер ты к святотавцам благославляющей руки своей с угрозой и проклятием!

Другой католический епископ оставил в этой церкви самое умилительное [повесть своих заблуждений] воспоминание о себе. Желая принести покаяние, равное великости грехов своих, он соорудил деревянный резной портал, водрузил на нем крест [сам себе], выставил сам себя коленопреклоненным и с другой стороны поставил изображение любовницы, с которой делил он труды пастырства, и так в глубоком молчании каятся они уже несколько веков, и, может быть, долгая исповедь эта зачтется нм при великом окончательном решении.

Вообще в чудной церкви этой ходишь промеж легенд и сказаний и, кажется, чувствуешь ветер с одежд их.

Вот деревянная статуя божей матери с младенцем в руке, сделанная в темницах; вот другой, позолоченный образ, сделанный с помощью одного ножа мясника в его долгом заключении, но этот образ принадлежит к тому разряду произведений средних веков, где сильно напряженное религиозное чувство нашло в самом себе и реакцию, и юмор. Тут вы

видите, как на колени святой дева, скачет прекрасная золотая лошадка; другая дева, увенчанная ореолом, трубит в рог, и всю эту фантастическую сказку бог-отец благословляет из глубины кудрявых облаков.

Еще поразительней – это соединение самых важных предметов с безграничной веселостью в изображениях на боковых стенках бывшего епископского места: здесь сирены, чудовищные рожи, переплетаясь хвостами и разными завитками, играют в дудки и сопелки. Точно видишь ты фигуры тяжелого, горяченного сна.

Впрочем, это младенческое сознание одного из законов жизни, по которому (*неразб.*) должен быть всегда отпор, есть одна из многих заслуг средних веков, и ей мы обязаны Шекспиром и великолепной английской драме.

Осмотрев боковые пределы, где в великолепных саркофагах покоятся герцоги и патриции города, мы перешли к знаменитой картине Иоганна Гемлинга, которая составляет гордость города Любека, а наипаче кистера его кафедральной церкви. Он поставил нас прямо против нее, дал нам вглядеться в задумчивые лица четырех святых, написанных на наружной стенке дверец и укрывающих их, а потом отворил их, и… целая эпопея благочестивого художника явилась глазам нашим. На трех подвижных досках Гемлинг изобразил несение креста, распятие и вознесение Спасителя. Во всех трех картинах действующие лица схожи между собой, как будто писаны с портретов, но что всего поразительней в старом мастере, так это необыкновенная тщательность отделки, переходящая даже в педантичность, так сказать.

Не случалось вам брать лорнет близорукого и приставлять к свежим глазам своим?.. Не правда ли, тогда предметы имели столь резкие черты, что больно было смотреть на них, вся прелесть перспективы исчезала, и все, что стояло в поэтическом отдалении, приобрело [вместе с тем] какую-то ясность и противоестественную определенность: то же самое испытываете вы, глядя на картину Гемлинга. Видна вся добросовестность труда этого замечательного ученика Альбрехта Дюрера, который об руку с набожной идеей утвердил за этой [одной] немецкой школой [обладание] славу глубокой [верной] христианской школы. Действительно новейшая живопись может изобразить ужас природы в минуту смерти бога, великость жертвы, принесенной Спасителем, глубину идей на лице Великого страдальца, но [никто] никогда не достигнет до этого простодушного изображения всеобщей скорби в страшный час, которая [была собственным следствием] родилась из самой неограниченной любви к божеству. Это чувство потеряно в новейшей живописи. Так в картине Гемлинга все рыдают, и сам он, следующий за несением креста, и Божья матерь, окруженная женщинами, и сами исполнители казни, и сам Каиафа, первая причина всего… Вся вселенная обратилась в плач и стенание, как Ромео, потерявший Юлию{12}, и любящему сердцу художника невозможно было и представить себе радость на чьем-нибудь лице при такой страшной, всеобщей, вековечной потере.

Кистер затворил дверцы и снова отворил их: «Вы, может быть, не заметили прихоти художника?» – спросил он, – «А что?» – «А вот посмотрите, в этой процессии несения креста – видите… собака играет с лягушечкой!» О! ты и сюда проник, удивительный юмор средних веков! Так, стало быть, ничем нельзя оградиться от тебя, и самый креет не имеет на тебя никакого влияния. Как воздух, ты проникаешь всюду, и ни один еще академик. не создал огромного колокола, чтоб вытянуть тебя из всеобщей жизни!.. Да об чем же думают академики?

Из Дом-Кирхе перешли мы в St. Marien-Kirche, знаменитую своими двумя башнями в 430 футов вышины каждая. Осмотрев мраморный алтарь, известные часы с 12 герцогами, которые выходят из маленьких дверец, доходят кое-как до статуйки с позолоченным ореолом, преклоняют головы, а статуйка их благославляет, и потом, повернувшись ловко, уходят в противоположные двери, – мы отправились прямо в боковую капеллу смотреть альфреско:

танец смерти, недавно подновленный по старому рисунку. Скелет играет на флейте, и под эту дудочку [с видимым отвращением на лице] пляшут другие скелеты, влача за собой по порядку [всех] все сословия мира сего, и начиная с папы, императора, короля, до купца, мужика и ребенка… На лицах людей – отвращение, на скелетах – радость. Это тоже одна из старых шуток Германии. – Под [каждым лицом] каждой особой есть четверостишие. Так скелет говорит папе: «Ступай, старый отец! милости просим из Ватикана прямо в саван; да сними высокую шапку свою: теперь придется тебе жить потеснее». А папа отвечает скелету: «Как, неужели смерть не боится меня? Вот теперь-то пригодится мне ключ от неба», и проч. – В числе сословий стоит тоже и кистер. Эта шутка повторяется во многих городах Германии как реакция постоянной мысли о смерти, царствовавшей во всем католическом мире до Лютера, после чего народы стали уже думать о себе. Осмотрев великолепную готическую дарохранительницу, купель и саркофаги магистров, с портретами их, которые, вероятно, для того писаны, чтобы показать, какие свежие, упитанные, румяные, здоровые особы могут умирать, мы перешли к знаменитой картине Овербека, изображающей вшествие И. Христа в Иерусалим на осляти. – Любек как представитель католической Германии не вполне бы выражал ее, если бы утаил нынешнее направление умов к старому искусству, к старым песням, к старым преданиям (*неразборчиво*). Для этого есть у него картина Овербека, оконченная в 1825 году, чудесное создание таланта, добровольно наложившего на себя цепи. – Подражая древним мастерам, Овербек презрел свободную кисть новейшей живописи и стал вырезывать фигуры более, чем рисовать их, забыл все условия перспективы и только думал об одном, как бы перенять старое простодушие, старую веру в чудеса Спасителя и старую любовь к нему. – Пятнадцать лет употребил он для исполнения своей картины и все-таки не отделился ни от своей личности, ни от века своего… На прекрасном лице его Спасителя так много грусти и глубокой думы, что к этому изображению его могли только привести колебание общества в последнее время и сама философия; на лице Иоанна такая небесная красота и смирение, что непременно вспоминаешь о целом ряде великих итальянских живописцев, и, наконец, в средней группе видно так много опытности, что [значит] с первого раза узнаешь, как хорошо знакома художнику история [и обыкновенного], а особливо история следствия [какого-нибудь] вечного нового учения на массу народа. И все это облечено в старую форму, в неопытную манеру художников 15 столетия, и потому [картина] произведение несет в себе какое-то странное противоречие с самим собой.

Рядом с церквью возвышается городская Ратуша позднейшего готизма [и так как Ратуша], в ней, к удивлению нашему, нашли мы в зале заседаний магистрата 10 аллегорических картин [заседающих], еще не известных миру, но заслуживающих вселенской славы. Чудо картины. Чего тут нет? Женщин, ключей, сабель, зеркал, рыцарей, и все это имеет значение не будничное, вседневное, к которому мы так пошло привыкли, а особенное, мистическое; даже колос хлеба выражает тут не хлеб, а что-то другое. Меня проняла дрожь от одной мысли, что члены магистрата могут унести тайну изъяснения всей этой фантастической эпопеи с собой в гроб и оставят потомство в совершенном мраке на счет этого живописного иероглифа, но прибытие сторожа скоро меня успокоило. Он нам подробно изъяснил значение каждого волоска на головах краснощеких богинь, потому что в картинах этих нет даже волоска, существующего так просто-запросто, а все с выражением какой-нибудь идеи, словно повести французских писателей. – Добрый сторож утешил нас признанием, что в случае его болезни или когда он бывает нетрезв, знаменитые картины толкует и показывает путешественникам жена его. – Ключ к картинам спасен! Если женщина знает тайну [держит его в руках], значит тайны нет и слово загадки может перейти до отдаленного потомства. После этого известия мы вздохнули посвободней и могли осмотреть чудесные диваны, поставленные в виде полумесяца и обязанность которых состоит в том, чтобы лелеять во время прений ту часть законодателей, которые имеют голос [отверженно] (*неразбор-*

чиво) ни в каких совещаниях. Возле каждой софы стоят по две плевательницы, ибо жители Любека, считают драгоценным решительно все, что выходит из уст их правителей в минуту заседания. – Маленькая комната рядом с этой залой показывает заботливость магистрата о себе, простертую даже до самых мельчайших соображений. И действительно, сколько гениальных мыслей может растеряться в тот промежуток времени, который употребляет член, чтобы добежать домой. Картина, украшающая стену этой комнаты, предательски высказала нам, что в давно прошедшие годы заседания были еще комфортабельней. Она изображает две палаты, в одной идет шумное прение сената, а в другой [освещенной] стоит длинный стол, и на столе тяжелые фляги, кубки, и посудина чистая, как невинный младенец… и множество глаз устремлено на перегородку, отделяющую комнату от совещательной залы, и сколько физиономий, ясно высказывающих, что мысль их витает теперь около благодетельного стола, забыв и римского императора, и датского короля, и буйных рыцарей… Но прекрасные старые обыкновения исчезают… Что теперь хорошего в какой-нибудь пустой палате представителей, сзади которой нет ничего, кроме народа, ожидающего, чем прение кончилось?.. Одна уж мысль о пересохшем горле оратора заставляет меня бежать, хотя бы он говорил, как Сенека!{13}

Вечером бродили мы по берегу Траве, по валу, где возвышалась стена, и вошли в город воротами Holsten Tor[3], тяжелым, массивным осколком прежде бывших укреплений!.. По дороге поклонились мы памятнику гражданина Праля, расстрелянного в 1813 году без всякого суда французами – за смелое слово; он сказал: «Мы тогда только будем спокойны, когда выгоним французскую каналью».

На другой день рано утром за три червонца наняли мы коляску и вечером в субботу, 7 ноября (26 октября) прибыли в Гамбург, употребив 12 часов на проезд 8 миль, или 56 верст.

[3] Holzern Tor – Деревянные ворота (*нем.*).

Гамбург

С этих пор я решительно не верю никаким в свете воротам. Если я увижу где-нибудь надпись: «Ворота сии Сенат и народ посвящает победоносному Траяну», – первая мысль будет, что Траян был разбит [где-нибудь] евреями. Если случится мне [прочесть] взять фиакр a la porte d'Etoile[4], я перестану верить существованию Наполеона и генералов его, в самом деле, если уж Мобель{14} обманул, чего же ждать доброго от других.

В северной полосе Германии учение Лютера пробежало потоком всесокрушающим{15} и уничтожило, и истребило монахинь, монастыри и все памятники католицизма, оставив только стены, где некогда царствовал он, и от этого стены приобрели необычайную важность. Картины, виды, все описания только к стенам; просвещенное желание сохранить памятники древности начинается с камня и им кончается. Не говоря о Пруссии, где реакция была так сильна, что даже произвела короля-философа, вся северная Германия, за исключением, разумеется, нескольких Рейнских провинций, рвала старую свою веру с каким-то ожесточением. Если где-нибудь в уголку сохранился остаток папизма в виде картины, образа, памятника, статуи, то существует единственно как [памятник одержанной победы] символ силы протестантизма, и кистер, показывающий вам церковь, с торжеством [удовлетворением] скажет, простирая к нему указательный перст свой: «Это принадлежит к временам католицизма и стоит здесь из милости, как старая попрошайка на паперти, когда всех остальных нищих велено брать в смирительные дома». Действительно, для картин и статуй есть свои смирительные дома – это музеумы.

Что значат, например, цветные стекла какой-нибудь церкви с изображением происшествий из священной истории в уютной зале [какой-нибудь] Академии. То ли [значит] значение имеет картина Страшного суда, оторванная от кафедры, с которой гремели угрозы вечного проклятия? Какое впечатление произведет старое деревянное распятие, с этим подробным, анатомическим изображением физического страдания, как обыкновенно католицизм примитивный делал распятия, – поставленное в светлой, веселой комнате, с двумя мраморными каминами по углам? Отвращение, разумеется. Взамен всех прежде бывших памятников, которых небольшая часть перешла в музеумы, протестантизм кругом алтарей выставил портреты всех своих проповедников, разрушивших власть римского антихриста{16}. – И вот они везде смотрят на вас строго и сурово [придерживая], указывая на одну книжку{17} (у каждого из них по книжке в руках), вне которой всё считают они ложью, искусство [тоже] даже. – Обманутые бесчеловечно Любеком, вы подходите, например, к церкви св. [Елизаветы] Николая, колокольня которой состоит из трех полукуполов один над другим, входите – алтарь на своем месте, орган тоже, все выкрашено белой краской – и больше ничего. Вы идете в церковь св. Екатерины, колокольня которой еще величественней и фигурной вышепоименованной, хотя и в одном вкусе, – и, кроме скамеек, алтаря и органа, не видите ничего. – В Якоби-Кирхе, которая еще издали манит самым легким готическим верхом своей башни, хотя верх этой новейшей постройки и есть подражание южному просветленному готизму, – и та же история. Одна только Petri-Кирхе, со своими многочисленными пристройками и величественной колокольней, оканчивающейся остроконечным шпицем, сохранила нечто: это картина старого Франка «Шествие на Голгофу»{18}, которое сопровождают немцы, немки с овощами, корзинками, ослами, навьюченными хлебом, рыбою и домашним скарбом. Все почти державы Европы воздвигали памятники на местах, где про-

[4] Возле Этуаль (*франц.*).

исходила борьба их с Наполеоном: Гамбург, вместо памятника, повесил в Petri-Кирхе картину, где изображена внутренность самой церкви и несколько сот бедных семейств, которых в 1813 году [ночью вывозили за город] на день запирали в храм{19}, а ночью вывозили за черту города, чтобы предупредить голод. Наконец, в этой же церкви висят во весь рост две главные причины приключившегося мне разочарования, а именно – толстый Лютер, на лице которого, при всем моем напряжении, ничего не мог я открыть, кроме добродушия и самой ясной наклонности к спокойной жизни, и сухой Меланхтон, с редкой бородкой, который весьма похож на прокуратора св. инквизиции – и со всем тем глаза мои долго не могли оторваться от этих двух портретов. Вот люди, открывшие безграничный путь мысли, по которому идет теперь Германия, вот люди, изъяснившие божественное учение до того, что оно вошло в кровь народов, принявших его, и сделало их нравственными [тут я с ними]. Да будет легка земля вам, почтенные люди, и если величественная процессия баллад, легенд, мраморных рыцарей, бледно-русых дам с соколами на белых руках, с золотыми поясами подойдет к вам в минуту Страшного суда и скажет: «Зачем истребили вы последнюю память, о нашем существовании на земле?», вы развернете им скрижали подвигов, свершенных народами для приобретения гражданской свободы, и скажете: «Зато вот, что мы произвели!»

Примечательнейшая церковь в Гамбурге есть, без сомнения, св. Михаила. Она построена во вкусе Возрождения и отличается красивостью узоров этого рода архитектуры, необычайной стройностью во всех частях своих, легкостью колокольни и подземельем, где на все стороны открывается колоннада, в которой теряется глаз. Действие света, проницающего в подземелье, обольстительно: кажется вам, будто попали вы во дворец гномов. Эта церковь достойна изучения архитекторов.

Но что всего прелестнее в Гамбурге – это Эльба, Альстер и гуляние по прежде бывшему валу… Начиная от Steinstor[5], идете по прекраснейшему саду и, наконец, достигаете Ломбардского моста; тут широкой плотиной перерезан Альстер на два озера: с одной стороны, на противоположном берегу, видите знаменитую аллею Юнгферстиг с ее великолепными домами, изукрашенными вывесками, с другой – С.-Жорское предместье, с его мельницами, церквами и крышами домов. Прямо против С.-Жоржа берег весь зарос садами, сквозь чащу которых мелькают загородные домики владельцев, а вдали сквозь прозрачный туман виднеются шпицы деревень и городов, принадлежащих уже Ганноверу. Идите далее: вот известная Эсплонада, улица великолепных домов, посреди которых тянется старый вал, помолодевший от лиц и цветущей зелени, продолжайте: вот налево Петро-Гартен, а за ним еще сады и дорога в Альтону, город, соседственный с Гамбургом и связанный с ним цепью строений так, что они составляют теперь одно целое, Но [разделенный на веки] первый принадлежит Дании и имеет короля, а второй принадлежит самому себе и не имеет короля{20}. Идите далее: вот какое-то возвышение, подойдите к самому краю – и Эльба явится вам как серебряная лента с бесчисленными извивами, рукавами, с лесом мачт, изукрашенных всеми возможными флагами. В праздничный день, когда корабли [изукрашенные] выставляют ленты всех 107 небесных цветов – кажется, будто бы старая река надела арлекинский костюм и собирается в маскарад Энгельгарда{21}. Необычайное движение царствует у вас под ногами в пристани (Binnen-Alster) и на берегу: там тысячи лодок скользят от одного корабля к другому, оттуда несутся крики и песни, выкрикиваемые и выпеваемые почти на всех европейских языках; тут матросы выкатывают тяжести и, боже мой! каких тут нет матросов: английское – годдем[6], немецкое – доннер[7], французское – foutre[8], и русское многосложное… перемеши-

[5] Каменных ворот (*нем.*).

[6] Годдем (*англ.* Goddem) – прокляни меня бог.

[7] Доннер (от *нем.* Donnerwetter) – гром и молния, черт побери.

ваются и равно взлетают, дружески обнявшись, к небесам, где, сделав им перекличку, записывают их в книгу смерти, но нет того, кто их породил. – И все это окружено бесподобным ландшафтом гор и дальних лесов, в среде которых, как неподвижная звездочка [светится], виднеется чуть-чуть шпиц Саарбурга – города, принадлежащего Дании.

По позднему времени года мы не могли осмотреть всех садов, лежащих в окрестностях Гамбурга и всех его бесподобных загородных гуляний. Мы сделали одно только исключение в пользу Ренвиля, сада на крутом берегу Эльбы, с которого вид на реку уединенней, тише, задумчивей, так сказать, и оттого река делается еще привлекательней, чем в шумном торговом Гамбурге. Здесь уже нет кораблей и матросов, а только лодки с белыми парусами [неслышно], изредка несущиеся вдоль реки и кажущиеся сверху поплавками [с перышками наверху], которые пускают ребятишки, втыкая в них концы перьев. – По пути к (*неразборчиво*) мы проехали мрачную Альтону с ее Palmaille, грязным подобием Эсплонады и Дом-Кирхе, где под широкой кипой стоят три камня, из коих один покрывает прах Клопштока[{22}], а два других – супругу его. – Мы с благоговением поклонились великому поэту, которого я не знаю ни одной строчки и которого, по какому-то странному предубеждению, считаю самым скучным [поэтом] писателем. Нет никакого сомнения, что я ошибаюсь, но мне все кажется, будто поэзия его не касается людей, а принадлежит собственно ангелам. Правда, говорят, что тут есть и Адам и Ева, люди очень знаменитые, но так как мы не знаем, в чем состояло наслаждение их в раю, то и горести от потери этих наслаждений испытывать не можем и в бедствиях их ни малейшего участия не принимаем. Погуляв достаточно по окрестностям, возвратимся опять в город и полюбуемся этими узкими улицами, этими семиэтажными домами, которых передний фасад состоит из одних стекол, этими выступами этажей один над другим, увенчанными закругленным верхом, скрывающим от вас безобразную крышу, которая так неприятно кидается в глаза в наших новопостроенных городах. Почти у всех домов в самой оконечности последнего выступа видите вы еще окошечко и, вглядываясь, замечаете там чистую гардинку, горшечек цветов и убеждаетесь, что на этой высоте приютилось не отвратительное нищенство об руку с развратом, а довольство, чистота, может быть, даже поэзия. – Из подобного окошечка глядела Гретхен, и часто думал я [подняв], запрокинув голову и поддерживая шляпу: вот подойдет белокурая головка, вот задумчиво устремит она глаза на улицу… Еще живописней задняя сторона домов в Гамбурге, обвиваемая каналами, проведенными из Эльбы и Альстера, что дает ему вид какой-то грязной Венеции. Невозможно себе представить этой путаницы балконов, галерей, пристроек, окошек, дыр, чуланов. Мне кажется, что именно в таком городе может существовать сказка со всеми своими прихотями и капризами, как прилично такой большой барыне. Разбойник здесь может спастись по крышам, привидение – скрыться за любую трубу, а для бесполезных поисков преследователей сколько здесь пояснений в этих будках, конурах, которые все, однакож, наполнены живыми существами. Жалуемся, что у нас мало беллетристических хороших писателей, да выписывайте вы хоть Шахеризаду[{23}] в Петербург, что она найдет в городе, где на первом шагу встретится ей городовой, забирающий в полицию всех бородатых наших романтиков. – Присоедините еще в Гамбурге к этой отличительной черте его [города], по которой люди живут, как курицы, почти на [одном] шестах и в подземельях, превращенных в кофейные дома, присоедините еще необыкновенное движение на улицах. Как только блеснет солнышко, люди выскакивают из всех пор этих строений, и все это курит сигары, говорит, хохочет, играет на арфе, просит милостыню, таскает из карманов часы, платки. [Катков изволил как-то залюбоваться на одну вывеску.] Через каждые четверть часа ходит по одному направлению дилижанс в Альтону и обратно, который везет за 4 шил. (32 к.) и появление которого на тесной улице, наполненной народом, право, то же, что появление батареи артиллерийской или

[8] Черт подери! (*франц.*).

пожарных труб у Самсона в день Петергофских гуляний[{24}]. – Множество других дилижансов ходит по другим направлениям, и [все они] кучера предостерегают народ только хлопаньем длинного бича своего, приберегая свое горло для шнапса, вероятно. Иностранец, который не знает этого обыкновения, легко может быть задавлен, что, было, и случилось с Катковым, который загляделся на один из здешних великолепных магазинов, что касается до меня, во всю жизнь не получал стольких толчков, как в Гамбурге, и нигде не был так оглушен воплями и криками работников, которые все свои домашние споры решают здесь публично на площадях и улицах!

Такова наружная физиономия Гамбурга, сообщаемая необычным народонаселением [120 т. на столь малом пространстве] и движением торговли. Что касается до внутренней его жизни, то, по совести сказать, нет ничего пошлее, и именно это существование принадлежит к разряду тех, на которые жестоко восстают носители Юной Германии[{25}]. Я здесь не встретил гамбуржца, который [объяснил] мог бы объяснить мне конституцию своего города. Они так спокойны, так свободны, так благополучны, что не хотят знать причин всего этого. Но апатия, не разлучная со всем, где нет стремления, заметна в умах здешних даже для иностранца, наименее наблюдательного.

Если исключительное положение Гамбурга, как вольного города, поставило его вне волнений и требований, которыми дышит теперь Германия, то [вместе] надо признаться, что взамен во всей Германии пошлая сентенция, застой умов, будничная, кухонная мудрость не [доведены] достигали до такого развития, как в Гамбурге. Зато они ограждены от всех переворотов и необходимости восставать за права свои, скажут мне, но если все вопросы нашего века клонятся к тому, чтоб подарить человечество таким бесцветным и отчаянным спокойствием, как гамбургское, то игра не стоит свечки. – Они даже не внесли для развития своего элемента учености, который так свойственен Германии, и новые идеи, текущие по жилам всех государств с берлинских кафедр, им совершенно чужды, они даже не внесли художественного элемента, и венская потребность искусств, и мюнхенское стремление к изящному им совершенно не знакомы. Гейне приводя слова Шуппа[{26}]: «В свете более дураков, чем людей», – прибавляет: «Так как Шупп жил в Гамбурге, то этот статистический вывод опровергнуть нельзя». Кстати о Гейне: я купил в Гамбурге, где издают его сочинения, «Reisebilder»[{27}] и «Salons»[{28}] за 70 рублей, так дороги они от возрастающего на них требования публики. Несмотря на шутки его, переходящие иногда в фарс, на какое-то кокетство самим собою и на употребление личности в степени, какой у нас даже понять трудно, – много верного, много поэтического, много любящего заключается в его капризных листках, производящих на вас такое впечатление, как будто видите вы фейерверк, и некоторые искры западают вам невольно в память и сердце, между тем как все остальное обращается в дым и развевается по ветру. – Неуловимо капризен он в своих стихотворениях: часто начинаются они шуткой и кончаются воплем глубоко растерзанного сердца; притом же эти вседневные положения, пошлости обыкновенного существования, которые любит он просветлять мыслью и возводить до духовного значения, получают необыкновенную прелесть от наивности изложения, от простоты формы. Вот одна из поэтических шуток его[{29}] [где однакож видим], которая наиболее показывает манеру его:

1

Нельзя довольно уважать этого любезного молодого
человека: часто кормит он меня
устрицами и поит Рейнвеновыми ликерами!

2

Мило сидят на нем сюртук и брючки,
а еще галстучек, и так разодетый
приходит он ко мне каждое утро и
спрашивает: здоров ли я?

3

И говорит мне о моей огромной
славе и [о мужестве моем] о моей любезности, и о моем
остроумии: он рвется, он старается мне
услужить, мне быть любезным.

4

А вечером, в обществе, перед дамами
с восполенным лицом декламирует
он [мне] им мои божественные создания!

5

О! как хорошо было бы найти еще [это]
такого молодого человека в наше время,
когда все хорошее [все более и более]
пропадает помаленьку.

Следующее, которое я сейчас только прочел{30} и не могу удержаться, чтобы не перевести для себя в плохую прозу, принадлежит к числу тех, [в коих] где в своеобразную форму замкнул он сильную мысль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Штиглиц – известный петербургский банкир, который вел дела братьев Анненковых.

2.
Стюарт – содержатель популярного ресторана в Кронштадте в 1840-х годах.

3.
…доставить особы наши Германскому союзу. – Deutsches Buhd возник в силу союзного акта в июле 1815 г., объединял 38 немецких государств и вольных городов, туда же входила и Австрийская империя.

4.
Зубов Платон Михайлович (1767–1822) – граф, фаворит русской императрицы Екатерины II.

5.
Турецкая война – война России с Турцией в 1828–1829 гг.

6.
…и создавшего сказку… – Романтическая повесть Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм», написанная им после его путешествия в Западную Европу (1789–1790). См. прим. к первому «Письму из-за границы», п. 4.

7.
…бесчисленные надписи Лизина пруда… – Пруд в Москве в первой половине XIX в., в котором, по преданию, утопилась героиня повести Карамзина «Бедная Лиза».

8.
…разрушенных хвостиком божьего бича, Даву… – Речь идет о маршале Франции Даву Луи Никола, князе Экмюльском (1770–1823), участнике русского похода Наполеона I, который по пути из России в Европу в 1813 г. в результате ожесточенных боев вернул города Любек и Гамбург, освобожденные русскими войсками.

9.
Кальдерон, правильно Кальдерон де ла Барка, полное имя Кальдерон де ла Барка-и-Рианье Педро (1600–1681) – испанский драматург.

10.
Аль-фреско – фресковая живопись, т. е. живопись водяными красками по сырой штукатурке.

11.
Ревель – старое название г. Таллина, основание которого предание связывает с построением охотничьего замка датским королем Вольдемаром II в 1219 г.

12.
…как Ромео, потерявший Юлию!.. – Герои трагедии В. Шекспира «Ромео и Джюльетта».

13.

Сенека Люций Анней (ок. 3 г. до н. э. – 65) – римский философ, писатель-драматург и политический деятель.

14.
Мобель – автор путеводителя по Германии.

15.
…учение Лютера пробежало потоком всесокрушающим… – См. прим. к четвертому «Письму из-за границы», п. 13.

16.
…римского антихриста. – Папа римский, которому протестантская церковь отказалась подчиняться.

17.
…указывая на одну книжку… – Речь идет о Библии, которую Лютер положил в основу протестантской религии.

18.
…картина старого Франка «Шествие на Голгофу»… – Картина фламандского художника П. Франка на библейский сюжет: шествие Иисуса Христа на место своей казни – гору близ Иерусалима.

19.
…на день запирали в храм… – В 1813 г. Гамбург, освобожденный русскими войсками, вновь был захвачен французами; город был объявлен на осадном положении, и в нем распространился голод.

20.
…второй принадлежит самому себе и не имеет короля. – Гамбург после отделения от Франции в 1814 г. вновь стал вольным городом и с 1815 г. на правах союзного государства вошел в Германский союз.

21.
…в маскарад Энгельгарда. – Энгельгард Василий Васильевич (1785–1837), внук одной из сестер князя Потемкина, полковник в отставке, в середине 1830-х годов выстроил в Петербурге на Невском большой дом (ныне дом № 31) и приспособил его специально для публичных балов, маскарадов, концертов и т. д. Балы и маскарады Энгельгарда пользовались большой популярностью в Петербурге в 1830–1840-х годах. О них упоминает М. Ю. Лермонтов в своей драме «Маскарад».

22.
Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803) – немецкий поэт, один из представителей Просвещения в Германии, автор поэмы «Мессиада», а также драм, написанных на библейские сюжеты.

23.

Шахеризада – Шахрезада, по преданию, жена персидского царя Шехрияра, чтобы избежать смерти, рассказывала мужу сказки, которые якобы положены в основу знаменитого арабского эпоса «Тысяча и одна ночь».

24.
…у Самсона в день Петергофских гуляний… – Народные гуляния в Петергофском парке, центром которых были фонтаны со статуей «Самсон, раздирающий пасть льва».

25.
…носители Юной Германии. – Речь идет о Молодой Германии, группе немецких писателей, выступивших в 1830-е годы против господствующей в Германии реакции и филистерства, в защиту гражданских свобод; во главе группы стояли поэт Генрих Гейне (1797–1856) и публицист и писатель Людвиг Берне (1786–1837). Взгляды младогерманцев отличались неопределенностью и противоречивостью, что и привело к расколу группы.

26.
Шупп, правильно Шуппиус, Иоганн Бальтазар (1610–1661) – немецкий писатель и поэт-сатирик, с 1649 г. стал жителем Гамбурга.

27.
«Reisebilder» – «Путевые картины» (4 т., 1826–1831), книга была написана Гейне после путешествия по Гарцу и Тюрингии, имела огромный успех, но за идеи свободомыслия подверглась запрещению во многих герцогствах Германии.

28.
«Salons» — «Салон», книга составлена из произведений, тематически не связанных друг с другом; в нее входили циклы стихов и новелл; впервые издана в 1834 г.

29.
Вот одна из поэтических шуток его… – Анненков приводит свой перевод стихотворения Гейне «Diesen liebenswurd'gen Jungling», которое входит в цикл «Die Heimkher», стихотворение впервые было опубликовано в первом цикле «Reisebilder» (1826).

30.
Следующее, которое я сейчас только прочел… – Анненков приводит свой перевод II части «Berg-Idylle» из раздела «Aus der Harzreise»; стихотворение входило в первый том «Reisebilder». Переводы Анненкова из Гейне принадлежат к первым переводам этого поэта в России. В русской периодике первое стихотворение Гейне появилось в 1839 г. Это был перевод М. Н. Каткова стихотворения «In meine gar zu dunkler Leben» («Отечественные записки», 1839, т. XV, с. 151).